

К тому времени, как Хан, наконец, оказался на борту, «Патриот» готовился к пятой поездке в неизвестно куда. У него было скрытое подозрение, что всего трое из них получили поддельные удостоверения личности и похоронены в списке дежурств, но он не был уверен - по очевидным причинам никто из присланных не знал ни о ком другом. Однако судьба была с ними; Каждый раз, когда «Патриот» снова появлялся в базовых системах, происходило множество перемещений персонала между флотами, что значительно упростило попадание на борт с ротацией экипажа - и гораздо больше беспокоило то, что происходило, чтобы их вызвать.

«Тем не менее, это было самое замечательное в суперзвездных разрушителях», - подумал Хан, когда шаттл экипажа приземлился в обширном главном трюме «Патриота»; это были огромные корабли, укомплектованные большим количеством людей, и если вы собирались переправить на флот нескольких краткосрочных шпионов, то вы это сделали именно здесь.

И это было к лучшему, потому что никто, казалось, не имел понятия, куда пропадал «Патриот» в течение трех недель из каждых четырех, как она делала с момента запуска, и все очень нервничали. Лучшая часть недели ушла на то, чтобы убедить Массу позволить ему использовать одно из поддельных удостоверений личности, а затем почти то же самое, чтобы заставить Лею разрешить это - иногда ваша вторая половина была лидером Восстания, что могло серьезно затруднить ваш стиль работы. . В конце концов, его сомнительная репутация в качестве бывшего имперского офицера - пусть и с позорным увольнением - дала ему преимущество в том, что он знал рабочие процедуры на борту эсминца. Во всяком случае, это было то, что он утверждал - это было очень давно, и в то время он особо не обращал внимания.

Но на удивление все это возвращалось к нему с пугающей ясностью теперь, когда он был здесь, делая девятидневное ожидание на верфях в секторе Фарлакс и поездку на «Патриот» легким ветерком. Теперь все, что ему нужно было сделать, это оставаться под прикрытием достаточно долго, чтобы увидеть Люка; наблюдайте, как он здесь работает, смотрите, как он взаимодействует. Это, конечно, не было его миссией - его задача заключалась в том, чтобы выявить ряд внутрисистемных ошибок для сбора информации, но он полагал, что это может сделать любой. Хан был единственным, кто мог читать ребенка, имея хоть какое-то настоящее чувство знакомства и предшествующие знания, чтобы основывать свое суждение - и любую действительно беспристрастную предвзятость, насколько он был обеспокоен. И с момента запуска «Патриота» - черт, с тех пор, как парень отпустил его с «Соколом» - он отчаянно пытался понять, что творится в голове Люка.

О чем он думал, когда сорвал покушение на Палпатина, а затем развернулся и спас Лею? Он сказал себе, что это для Альянса - что это жизненно важная информация, знают они об этом или нет - но какой-то придиричивый голосок продолжал спрашивать, правда ли, что он просто хотел увидеть Люка; хотел посмотреть ему в глаза и... что? Он понятия не имел. Может, он просто хотел посмотреть парню в глаза - может, это все, что ему нужно. Или, может быть, это было последнее, что ему было нужно; по общему признанию, их последняя встреча была не совсем радостной. Это вызвало больше вопросов, чем ответов, ни один из них не был хорош, но на этот раз Хан был настроен более оптимистично.

Ясно, что уловка заключалась не в том, чтобы попасться Люку в ловушку; убедитесь, что все в ваших руках. Для этого было бы разумно держаться подальше от него, держаться на расстоянии, прятаться - просто наблюдай и учись, подожди столько, сколько потребуется, чтобы появился подходящий шанс. Да, это имело смысл. Кивнув себе, когда он сошел с трапа шаттла в пещерный, повторяющийся шум загруженного главного ангара Патриота, войска и припасы доставляются и хранятся в столь же впечатляющей мере, Хан огляделся, чувствуя себя окоченевшим и накрахмаленным в своем подогнанном Петти.

Офицерская форма. Вытянув шею и пробежав пальцем под край своего высокого воротника, он успокаивающе кивнул самому себе; это было легко. Все, что ему нужно было сделать сейчас, это пройти инаугурацию, и он смеялся ... Все они стояли прямой линией в ангаре для экипажа недалеко от офицерского помещения. Хану выделили комнату - даже с окном - дали коды доступа без проблем, и теперь он слушал, вроде как, дрон офицера кадров о протоколах, времени приема пищи и часах смены. Практически все то, что Хана выкинули из флота за то, что он в первый раз проигнорировал. Это и все такое про Чуи ... Хан поднял брови и слегка пожал плечами; да ладно - их потеря, а не его. Он оглянулся на офицера, понимая, что до сих пор не слышал ни слова ...

«... Несколько правил сверх нормы, связанных с тем, что The Heir обычно на борту».

Хан насторожился на это, наконец заинтересовавшись, когда офицер продолжал гудеть.

"Хотя маловероятно, что кто-либо из вас встретится с ним при выполнении своих повседневных обязанностей, существуют определенные протоколы на тот случай, если вы это сделаете. Вы будете придерживаться их, как будто от этого зависит ваша жизнь, потому что, если я узнаю, что моя команда нарушила их, тогда я лично раздену его задницу рядовому - все ли мы чисты?"

"Симпатичный мужчина - хорошие социальные навыки. Хан сухо подумал, заново вспомнив, почему он ненавидел армию.

«Это правила; делайте заметки».

Дородный мужчина медленно прошел вдоль очереди: «Вопервых, вы будете обращаться к нему, когда будете разговаривать с другими в третьей стороне. Собственные невоенные помощники командира, которые находятся на борту, будут обращаться к нему по его гражданскому титулу, который является «Наследником».

Вы не будете. На борту корабля или всякий раз, когда вы носите форму флота, вы будете обращаться к нему по его воинскому званию, которое является главнокомандующим; в том маловероятном случае, если вы окажетесь в его Присутствие, вы помните, что он предпочитает просто "Командир".

Когда вы однажды упомянули его как такового, вы впоследствии признаете его как сэра. Вы будете делать это каждый раз, когда встретитесь с ним; тогда командир, сэр. Вы не будете пытаться вовлечь его в разговор; ценить это. Вы не подойдете ближе, чем на четыре шага, если он не посмотрит на вас и не кивнет в знак согласия. Даже если вам придется дать ему что-то, вы будете стоять и ждать, пока он не кивнет, позволяя вам приблизиться. Если он войдет в комнату, в которой вы находитесь, вы ловко поклонитесь от шеи и сведете пятки вместе в стиле милитари. Вы будете практиковать это, чтобы не было небрежности, когда вам, наконец, придется это делать. Если вы находитесь в комнате и там находится командующий, вы не можете уйти без его приказа или его увольнения.

Если вам нужно отойти от него, вы поклонитесь и отступите на четыре шага, затем сведите пятки вместе, прежде чем отвернуться. Если я увижу, что кто-то отвернется от него внутри четыре шага Я заставлю тебя работать в ночную смену на мусоровозе до конца своей карьеры. Вы не встанете за ним ближе, чем эти волшебные четыре шага - если он отвернется от вас, вы, как и раньше, отступите. Вы не будете сидеть в его присутствии, если не получите явного приглашения, в чем я очень сомневаюсь. Вы не будете есть в его присутствии без приглашения.

Вы не будете смотреть . Вы не будете заводить разговор с гражданскими лицами из его

окружения; вы помните, что помимо проблем с флотом, они превосходят вас по рангу, и вы будете ссылаться на них по их рангу или званию. Вы узнаете их звания и звания. Ты не будешь попросите познакомить с командиром - карьерный рост вам не продлится ; они потратили много лет на то, чтобы добраться туда, где они есть сейчас, и, поверьте мне, они будут прокляты, если помогут кому-либо из вас заменить их ".

В этот момент Хан начал отключаться, частично из-за рефлекторного действия, но частично из-за того, что ему впервые стало приходиться в голову, к кому он пытается приблизиться. До сих пор он просто пытался добраться до Люка; внезапно, впервые в своем мире, он осознал, насколько сильно изменилось; он больше не пытался украсть несколько минут с этим гиперинговым ребенком с Татуина, который оказался на борту Звездного Разрушителя - он пытался добраться до Наследника Императорского Трона. Кто-то, кто прожил эту жизнь - эту жизнь - все поклоны, сэра и свита. Никто не смотрит, не подходит слишком близко; даже не думайте о том, чтобы попытаться завязать разговор ...

В конце концов его осенило, что Люка Скайуокера, возможно, вообще больше не существует - о Люке Скайуокере Хан не знал. Пять лет ... это было чертовски долго, чтобы прожить эту жизнь в окружении таких людей, которые просто затягивали вас в нее, потому что это был протокол , полностью удаленный от всего нормального и условного. Также начинало осознаваться, что ребенок больше не ребенок; он был главнокомандующим Центральным флотом и следующим в очереди, чтобы править Империей, недоступной и изолированной. Это было по выбору или по влиянию? Офицер по кадрам сделал паузу, чтобы ответить на его комм, и Хан понял, что снова не слышал ни слова из сказанного; наверное не важно ...

Завершив разговор, мужчина снова взглянул вверх, сердито глядя на ряды новых офицеров: «... так что считайте это своей единственной возможностью сиять - передо мной, а не перед командиром. Я гарантирую вам, что он даже не Знаю, что ты существуешь. Насколько я понимаю, то, что ты делаешь с этого момента, отражается на мне и, таким образом, решает, чем ты будешь здесь заниматься в следующие двенадцать месяцев, что решает всю остальную твою карьеру. Не облажайся ".

Хан молча приподнял брови; может быть, это было важно ... Через несколько секунд герметичная дверца отсека открылась, и старшина издал тройной свисток.

"Командир на палубе!"

Болтливый офицер крикнул с военной точностью, когда привлек внимание, все выпрямились, каблуки щелкнули в унисон ... И Люк вошел, заложив руки за спину, с нейтральным, непонятым выражением на его покрытом шрамами лице. Он был безукоризненно одет в элегантную, почти военную форму темно-сине-серого цвета, небольшая группа старших офицеров и помощников следовала за ним - не ближе четырех шагов, как это было принято, Хан криво заметил. Он выглядел... иначе, чем Хан-старший. Что было глупо, потому что он был старше, но... каким-то образом Хан так и не примирил окутанного тенью человека на уровне заключения Ярости с... ну, с Люком; с ребенком.

Он просто, со временем, мысленно заменил этот образ из Ярости на уже знакомый ему Люк; реальный Люк. И голограммы, которые все время приходили от Intel, ну, они тоже не были Люком - не совсем. Это был какой-то другой парень; Наследник, враг; без разницы. Только не Люк. И вот он снова, эта странная тень - Люк. Но при ясном свете дня. Он казался выше, шире; все выросло. Его волосы были длинными и непослушными, распадающимися почти на плечи, и темными, отчего его кожа казалась бледнее ... отчего этот шрам казался глубже. Сверху над глазом он рассек его щеку, обе губы и подбородок - это был чертовски ужасный шрам. Почему

он все еще был у него? Но,

Мара просыпалась рано утром и долго не могла понять, почему. Они прибыли на Эндор двумя днями ранее, и Люк провел все время на новой боевой станции, вернувшись лишь несколько часов назад, чтобы упасть в постель, измученный. Она свернулась калачиком рядом с ним, обняв его телом, кожа к коже, прислушиваясь к его дыханию в темноте, пока он не провалился в прерывистый беспокойный сон, скручиваясь и поворачиваясь, как всегда, но никогда не избегая "Идти спать."

он вдохнул ее затылок, и она успокоилась, закрыв глаза, потерявшись в его тепле и его прикосновении

Чего сейчас не было. Постепенно в ее сонный разум проникло, что она одна - Скайуокера больше нет. Но бледно-зеленовато-голубое свечение автозапоминания очерчивало мягкую линию вокруг приоткрытой двери, поэтому Мара тихонько скатилась с кровати и пошла к рассеянному свету в комнате за ней. Люк сидел к ней спиной, откинувшись назад, чтобы балансировать на задних ножках стула за своим столом в дальнем конце комнаты, его обнаженные плечи были освещены тусклым светом автомагнитолы. Нахмурившись, Мара в полной тишине сделала полшага вперед. Сразу же Люк нажал кнопку на автомемке, и экран потемнел, бросив комнату в туманные тени звезд из окна просмотра. Мара нахмурилась и мгновенно остановилась.

"Что происходит?"

"Я работаю."

"Ну, тогда почему ты просто выключил его?"

Его голова слегка повернулась, мышцы спины заметно напряглись, пять лет усердно усвоенных уроков, записанных в шрамах на его спине и руках, видны только в тусклом свете: «Это то, что вы пришли сюда, чтобы узнать ?

" Мара замолчала на долгие секунды; она была на грани крика на него, возмущенная обвинением... но разве это не правда? Он вздохнул; «Что, черт возьми, мы делаем? Кого мы дурачим».

"По-видимому, не друг друга".

Все еще страдая от почти распада всего несколько недель назад, Мара не собиралась драться;

«На самом деле я просто подумал, что ваш ответ мне достаточно хорош». Он повернулся, его тон и слова снисходительны, полны притворной веры. «Правда? Потому что теперь я полностью убежден в твоих благих намерениях».

Она улыбнулась, обняв его, где он сидел.

«Иди спать, пустяк».

. Мара положила руку ему на плечо, положив голову ему на плечо, когда они снова легли, бледное сияние далеких звезд было их единственным светом. Он услышал ее вздох, почувствовал ее дыхание на своей коже, почувствовал ее тепло, душевное и физическое ... Внезапное сожаление захлестнуло его - о том, чего он не знал; возможно осознание того, что это стало? Страх, что этого будет недостаточно, когда дело дойдет до момента, как не было для

его отца.

«Тьме наплевать». ;

Слова отца эхом отозвались в мыслях Люка, спасательный круг, за который нужно держаться, обещание, что он еще не потерян. Но тогда его отец явно очень заботился о своей матери ... он все еще заботился. И все же, и он все еще был настроен против нее в тот момент. Слова вылетели из его рта шепотом, прежде чем он даже подумал о них.

«Никогда не пересекай меня, Мара».

Она напряглась против него: «Что?»

«Не переходи меня».

"Это угроза?"

Ее голос стал немного жестче, но он не мог произнести то же самое печальное.

«Нет, я не угрожаю - не тебе».

Она повернулась, чтобы посмотреть на него: "Ну что, черт возьми, это было?"

«Я не знаю... Просто... не надо. Не переходи меня».

Искренний, проникновенный тон его голоса нервировал ее.

"...Почему?"

«... Я...»

Истина была подобна телесному удару, и его обожгло сказать это вслух; «... Я не знаю, что бы я сделал».

Несмотря на беспокойство, Мара не отступила.

«Эй, я могу позаботиться о себе».

«Не против меня».

В его голосе не было и тени сомнения - и она знала почему. Теперь она села и повернулась к нему лицом. Он смотрел не на нее, а на свою левую руку и, задумавшись, крутил пальцем кольцо с синим камнем, которое носил на мизинце.

«Ты... этот момент наступит, Мара - моя судьба в твоих руках». Она покачала головой, собираясь отрицать, чтобы успокоить ...

«Не...» - вмешался он, отказываясь от ее автоматического ответа. «Я просто... я не знаю, что бы я сделал, если бы ты пересек меня...»

Мара оставалась неподвижной, но он отвел взгляд, глубоко встревоженный. В конце концов она дотронулась до его щеки, но он отпрянул и взял ее за руку, не желая, чтобы его утешали. Вместо этого она взглянула на кольцо на его руке, когда он взял ее, обхватив его тонкими пальцами.

"Откуда это?" - спросила она наконец.

«Ты всегда его носишь».

Он покачал головой; даже этого он не мог ей сказать, опасаясь, что его ложь о тайных встречах с собственным отцом будет раскрыта. Как он мог так жить - но как он мог оставить ее? Его взгляд снова упал на кольцо, которое носила его мать, воспоминания о словах отца в тот день, когда он дал его Люку, прожигали его мысли;

«Вы не можете быть рядом с другим - вы не можете позволить другому быть рядом с вами. Неудача неизбежна, и последствия выйдут из-под вашего контроля».

"Я не вы."

Люк тихо отрицательно пробормотал, как в ту ночь.

"Что?" - спросила Мара, успокаивающе сжимая его руку.

«Кто-то однажды сказал мне, что я могу разрушить только то, что люблю».

Мара застыла, ее зеленые глаза широко раскрылись, и волна потрясенного восторга, исходившая от нее, заставила Люка удивленно подняться в глазах, когда она повторила это слово;

"...Любить?"

Люк нахмурился...

« ценность» - его отец сказал « ценность» .

Это он сказал... Он должен быть доволен или напуган? Или оба?

Она нежно приподняла его подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза: «Ты же знаешь, я...»

«Не говори этого».

он быстро прошептал: «Никогда не говори этого».

"Почему?"

«... .. Что, если я уже проклял нас обоих?» . . .

Лея легла в кровать, уставшая до мозга костей, и подошла к Хану, который сонно пробормотал, обнимая ее руками. Она закрыла глаза и вздохнула, убаюкиваемая его теплотой и его присутствием даже во сне. Сегодняшняя встреча была тяжелой; Хан вернулся несколько дней назад и был проинформирован о том, что именно произошло, и рассказал начальникам штабов; насчет Люка, встречи - все. Были обычные вопросы о том, почему именно Лу... Наследник снова отпустил его, но они были менее напряженными, чем раньше, более любопытными и сбитыми с толку, чем обвиняющими.

Затем сегодня вечером пришло известие о других. Тэг, глава разведки, объявил, что все агенты на борту «Патриота» не явились в свое обычное время для связи ранее в тот же день, и все ждали на игле, надеясь на лучшее, опасаясь худшего ... Они подождали сорок восемь часов, прежде чем закрыть файлы, пометив их как MPD. Хуже всего то, что он поставил под сомнение

всю информацию, которую они отправили с момента прибытия на Патриот, - месяцы подготовки и ценного тайного наблюдения - все было потрачено впустую, потому что теперь они не знали, когда были обнаружены агенты и, следовательно, сколько информации было ложно скармливали им. Тот факт, что всех троих заставили замолчать одновременно, был особенно ужасающим, поскольку предполагал, что это не было ошибкой со стороны агента; никто не вступал в контакт или не знал, кто друг с другом, поэтому скорость их совместного удаления означала, что за ними уже наблюдали ... за всеми.

Это вызвало еще одну старую проблему - Тэг утверждал, что утечка должна была быть внутренней; от Home-One. Несмотря на то, что шеф Intel отверг это, основываясь на том факте, что это было совершенно очевидно, а Волк просто не работал таким образом, все мысли обратились к одному человеку - единственному, кто снова вышел из скомпрометированной миссии невредимым; Хан Соло. Она вздохнула, мысли неслись, несмотря на ее физическое истощение; почему Хан был освобожден - более того, активно удален. Его описание своего отъезда означало, что это явно было рассчитано таким образом, чтобы скрыть присутствие Хана от Императора. И разве она не получила такой же защиты, когда была на борту «Патриота»? Никто другой в ее команде не выделил ее, она это знала. И снова холодное покалывание пробежало по ее спине при воспоминании о его предупреждении, пронизывающем все остальные мысли в ее голове, острым, как лезвие;

«Беги!»

Она вздрогнула, сопротивляясь автоматическому порыву сделать это даже сейчас, когда ее охватил прилив адреналина. Почему ... почему он помог ей? Потому что он ее знал? Но это не имело смысла; конечно, он знал ее роль в его разоблачении как имперского агента ... И если он был имперцем, если он был Императорским Волком, тогда зачем вообще что-то чувствовать к ней - за их дружбу - потому что, если он был шпионом, то этого наверняка вообще не существовало, помимо роли агента и переуступки. Почему позволить уйти его закланному врагу, лидеру Альянса и тому, кто его разоблачил?

Все это не имело смысла. Она медленно засыпала, далекие воспоминания и отсутствующие друзья крутились в ее голове, перепутанная сожалением, предательством и потерей Когда четыре часа спустя она проснулась от толчка, все эти далекие воспоминания улетучились в холодную темноту ночи, оставив лишь жуткую пустоту, глубокую тишину, как глубины космоса, и на мгновение - всего лишь часть секунды - ей показалось, что она слышала это даже здесь... вой волка из ее снов. Она резко выпрямилась, вытянув руки, чтобы не упасть, голова закружилась ...

На долю секунды она подумала, что массивный Корвет потерял мощность - что это была причина того, что она проснулась, вытянув руки перед собой, чтобы удержаться от переворота в животе, словно перестройка гравитации, - но Хан только смутно начал: подняв голову, сонный и одновременно удивленный: "Что?" Лея оставалась неподвижной, ожидая, пока движение выровняется, понимая по выражению его лица, что Хан вообще ничего не чувствует. "Что это такое?" - пробормотал он, пытаясь проснуться. Она открыла рот, чтобы ответить, но поняла, что понятия не имеет, что сказать ... Все, что у нее осталось, это одно непреодолимое чувство, одна абсолютная правда; «Что-то должно произойти». . . .

Люк, вздрогнув, проснулся на рассвете, тяжело дыша, Мара чуть шевельнулась во сне рядом с ним, пока он оглядывал комнату, далекое сияние никогда не спящего мегаполиса Корусканти отбрасывало туманные тени в фильтрованном мраке ... Затем ... как перестройка галактики, как сдвиг реальности, произошла растянутая секунда измененных восприятий, влекущих за собой его чувства, заставляющих его напрягаться перед волной тошноты и дезориентации,

пока потрясения не утихли, реальность просочилась обратно, стабилизировалась, равновесие восстановилось ... ничего и все не изменилось. Ему потребовалась секунда, чтобы акклиматизироваться к сдвигу, оставаясь совершенно неподвижным, напряженные мускулы, удерживая легкий контакт с Силой, пока он пытался преследовать туманное чувство ... Но момент прошел, ничего не осталось, кроме волнистых усиков, тающих в никуда, неживых, как призраки в ночи. Обеспокоенный, он повернулся, чтобы подтолкнуть Мару.

«Вставай. Вставай».

Она снова пошевелилась, глаза еще не открылись.

"Ммм?"

«Мара, проснись».

На этот раз она открыла глаза, голос и чувства мгновенно проснулись, вспомнив, где она была, об опасности, в которой они оба оказались, просто находясь здесь вместе: «Что случилось?»

"Что-то только что произошло - вы это почувствовали?"

" Чувствуешь ? Нет".

Она была сбита с толку больше всего на свете; что он даже спросит ее об этом.

"Ты сделал."

он сказал твердо: «Ты прижал руку к голове».

«У меня болит голова, вот и все».

«Что-то изменилось».

Мара нахмурилась, когда он встал, шагая по холодным полам из ископаемого камня к высоким окнам, отключая фотоэлектрическое затемнение, чтобы свет ранней зари просачивался сквозь нее, бледный и рассеянный.

"Одеться."

В его голосе была настойчивость, в его теле было напряжение, когда он повернулся, не оглядываясь.

"Быстро."

"Что ты почувствовал?"

«Не знаю. Ничего особенного».

он сказал: «Это... скрыто. Что-то случилось... что-то происходит прямо сейчас, прямо здесь. Тебе нужно уйти».

Она кивнула, зная, что теперь лучше не тратить время на вопросы; Люк не из тех, кто легко пугается... и, несмотря на его внешнее спокойствие, это было самым нервным, что она видела за последние годы. . . Она ушла через несколько мгновений после Люка, он покинул свои личные комнаты, чтобы пройти долгий путь через беспорядочные коридоры в своей огромной

квартире в Утреннюю комнату, сопровождая своих удивленных телохранителей, предоставив Маре поспешный, незамеченный выход, осторожно пробравшись к Музыкальной Помещению, максимально избегающее главного коридора.

Она давно призналась Люку, что в большом складском помещении, примыкающем к Музыкальной комнате, была скрытая лестничная клетка, и с тех пор они несколько раз падали на нее - достаточно, чтобы у нее появилось собственное имя в их закодированной стенографии; заповедник. . Люк стоял в одиночестве в Утренней Комнате среди высоких обшитых панелями стен из резного дерева с рельефной резьбой и смотрел, но ничего не видел, его рубашка была расстегнута и свободно застегнута, ноги были босиком, разум все еще был полностью погружен в рассмотрение этого неоднозначного изменения Силы, величины и степень его исключительности.

Он был не прав; что-то не случилось. Это должно было случиться; происходило прямо сейчас, события катились вперед, как лавина, набирающая силу, простого факта того, что этого было достаточно, чтобы послать сквозь Силу ударную волну. Что-то... какой-то неуловимый поворот внутри него, берущий начало здесь, во Дворце, расходился вовне широкими завитками причины и следствия, некоторые из которых уже были в движении, другие еще не реализовались. Он вздохнул, потирая переносицу, разочарованный и усталый, час был такой ранний, что была почти все еще ночь. Но каждый раз, когда он улавливал какое-то чувство повышенного восприятия, оно рассеивалось, и он оставался ни с чем; смутные впечатления и скрытые следы, как попытка проследить курс единственной капли в бурлящей реке ...

Его мысли мгновенно обратились к Мастеру Йоде, какое-то далекое воспоминание активировалось с острой силой - но даже когда эта мысль пришла в голову, она была потеряна, понимание лежало за пределами его досягаемости, странно неохотно приходило, путь к этому воспоминанию прерывался от момента к моменту ... Как-то... скорее скрыто, чем забыто. Люк закрыл глаза, ища в себе ответ, который, как он знал, был важнее его самого. Поочередно подстрекаемый и принужденный Палпатином, настройка Люка на Силу экспоненциально увеличивалась за последние несколько лет, пока она не пробежала, как кислород в крови, по его венам, предоставляя ему связь и ясность, как никогда раньше, факт, который он тщательно скрывал своего Учителя, не желая предлагать Палпатину дальнейшие причины, чтобы ссылаться на утверждения о возникновении Силы или туманные пророчества, которые связывали Люка с какой-то предопределенной судьбой, как это было с его отцом.

Но это было до сих пор есть, соединение, которое он когда-то стремился так трудно достичь сейчас, естественно, как дышать. И теперь каждая его фибра говорила ему, что знание запрещено; что сама Сила засохла - Но это не сработало - больше не для Люка. Сжав челюсти, он продолжил движение, отслеживая крошечные угольки, проталкивая барьер, ища эту отвергнутую связь, ту полоску доступа шириной в волос, которая всегда оставалась открытой на границе теней и света. Слова Йоды, сказанные давным-давно, соединились со зловещим предзнаменованием в сознании Люка; « Как поток реки, некоторые говорят, что путь Силы есть; что человек - джедай - может время от времени менять курс, как камень в воде, но в конечном итоге он все равно течет в море ».

Почему это - почему сейчас? Люк изо всех сил пытался увидеть связь, разрешить приглушенную интуицию, рассеянную и рассеянную, почти намеренно уклончивую. Как будто просто поиском он давил против воли Силы; путь, не предназначенный для того, чтобы бросать вызов, секреты никогда не раскрываются ... Он согнулся в кучку, прижав колени к груди, вытянув руки перед собой, опираясь на его колени - и замер физически и морально; точный фокус, легкий и тонкий, переходящий в точное, безупречное согласование с Силой; теряется в течении, скользит по течению, как рыба в реке ... И внутри было ощущение... конвергенции,

решающий момент наступил; устранение нарушения - Восстановлен перелом...

А потом все прошло, мгновенное сочувствие отвергнулось, холодная реальность сомкнулась вокруг него, заставив дрожать от резкого холода рассвета. Ему пришло в голову связаться с отцом; наверняка он тоже почувствовал беспокойство. Вейдер уже был во Дворце, когда Люк прибыл тремя днями ранее, его отец вернулся на Корусант, чтобы дожидаться первого этапа DEMР-переоборудования «Палача». Но связаться с отцом теперь, вскоре после Force сдвига, это вызовет подозрение императора, когда Люк работал так трудно успешно Mollify Палпатина в течение последних месяцев. Он закрыл глаза, сосредоточенно опуская голову, пытаясь снова увидеть путь - но Сила скручивалась сама по себе, тени внутри теней. Все, что он знал наверняка, - это один факт;

«Что-то происходит». - прошептал он рассвету.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1287593>